

М. А. Лавренченко
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия. marialavrenchenko@gmail.com

ПОСОЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (ПО ЛЕТОПИСНЫМ ТЕКСТАМ XII–XIII ВВ.)

В статье рассматриваются особенности дипломатических практик средневековой Руси XII–XIII вв., представленные в летописных текстах. Политические перипетии этого времени характеризуются увеличением числа участников переговоров и усложнением системы их взаимодействия, что развивало и дифференцировало посольские миссии. Среди них можно выделить функционально различные типы, в том числе начальные миссии, инициировавшие переговоры, как это пытался сделать сотский Ларион перед Липицкой битвой 1216 г.; подтверждавшие достигнутые ранее соглашения, как посольство, отправленное Изяславом Мстиславичем, Изяславом и Владимиром Давыдовичами к Святославу Ольговичу в 1149 г. (согласно Киевской летописи); провозглашавшие расторжение договоров. В статье уделяется внимание языковым формулам княжеских диалогов, касающихся посольств, например: «пошли ты мужа ... а я слю своего мужа ...», и другим особенностям репрезентации дипломатических миссий в летописях.

Ключевые слова: посольства, посольские миссии, дипломатические практики, летописи, средневековая Русь

Исследование выполнено за счет средств Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, проект № GL-2023-2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье».

Отправление и прибытие дипломатических миссий – частые летописные сюжеты, а сами послы – одна из немногих социальных групп не-Рюриковичей, которым авторы уделяют значительное внимание¹. Без сомнения, ее представители относились к самым высоким слоям общества и были непосредственно вовлечены в политику, однако их происхождение и социальный статус были различны: в посольство мог отправиться представитель княжеской семьи или известного боярского рода, священник, посадник, тысяцкий, сотский, мечник. Под послами в данной статье понимаются лица, осуществлявшие дипломатическую деятельность в интересах политического актора (правителя, коалиции правителей, города), включавшую как простую передачу информации, так и представительские функции, в том числе принятие крестоцелования от его контрагентов; также участник миссии мог играть роль посредника и свидетеля сказанного ранее². Стремительно меняющиеся политические условия требовали от посла проявления собственной инициативы, однако он был ограничен конкретными указаниями своего правителя, что составляло особую сложность его миссии. Кроме того, деятельность средневекового дипломата была пронизана символизмом, часто сам факт его отправления был ритуальным жестом, поэтому граница между словами, которых требовал обычай, и реальной политикой не всегда очевидна. Эта черта летописных описаний позволяет уделить меньше внимания достоверности событий, так как изображение ритуальных элементов взаимодействия вряд ли выходило за рамки принятых культурных традиций [Zupka, p. 32, etc.].

Наиболее известным исследованием в области посольских практик в средневековой Руси стала работа Д. С. Лихачева, в которой он отметил высокий статус участников диплома-

¹ По частоте встречаемости в древнейших летописях послы занимают второе место среди не-Рюриковичей после военных предводителей [Guimon, p. 314–325].

² Функции посредника и свидетеля отличаются от представительских тем, что выполняющее их лицо отстранено от фигуры отправителя, в то время как представитель, наоборот, максимально ассоциирован с ним.

тических миссий³ и свободу их действий: «из летописи видно, что послу давался общий наказ о том, как должен вести себя посол в том или ином случае, и отдельно поручались “речи”» [Лихачев, с. 43]. В работах Б. А. Рыбакова, А. В. Юрасовского, В. Ю. Франчук [Рыбаков, с. 316–319; Юрасовский, 1982; Франчук, с. 109–139] многообразие функций послов нивелировалось до простой передачи княжеского послания. Я. Р. Дашкевич, критикуя эти работы, указывал, что, согласно летописям, переговоры отличались динамизмом, а послы вели живой диалог при осуществлении своей миссии [Дашкевич, с. 106]. Публичность устного переговорного процесса делала всех присутствовавших, а именно: других князей, их послов, горожан, представителей духовенства, его свидетелями – они не просто видели передачу документа, но и слышали каждое слово соглашения и впоследствии могли его повторить или укорить дававшего клятву в ее невыполнении.

С самого начала своей политической жизни Русь оказалась в тесном контакте с государствами, где дипломатические практики были широко распространены, и византийские традиции, по-видимому, оказали наибольшее влияние – именно греческие договоры руси с Византией привлекли внимание одного из первых киевских книжников⁴. Рюриковичи XII–XIII вв. активно взаимодействовали с правителями средневековых государств от Скандинавии до Грузии, они принимали иностранных послов и были свидетелями дипломатических миссий одних европейских правителей к другим. Так, в середине XIII в. в Пожони (Братиславе) состоялась встреча Белы IV и Даниила Романовича в присутствии немецких послов, в том числе архиепископа Зальцбургского, господ фон Петтау и фон Брунне⁵. Представители европейских династий порой и сами осуществляли дипломатические миссии между Рюриковичами. Так, например, Всеволод Ольгович послал польского князя Болеслава Высокого (названного в летописи Владиславом – именем его отца) к Изяславу Мстиславичу подтвердить крестоцелование о том, что последний признаёт Игоря Ольговича киевским князем⁶.

Важнейшей из посольских функций в средневековой Руси, помимо собственно передачи информации, была представительская, поэтому для этой роли правители часто выбирали Рюриковича из младшего поколения, нередко миссии возглавляли духовные лица. В посольства, не требовавшие столь высокого статуса, но подразумевавшие значительные опасности, чаще всего отправлялись княжеские бояре, как, например, Коснятко или Петр Бориславич.

По сути, значительный пласт политических действий осуществлялся именно послами, а не правителями⁷. Среди них – принятие крестного целования, часто возлагаемое на представителей князя. Например, Владимир и Изяслав Давыдовичи, а также Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич, заключая соглашение с киевским князем Изяславом Мстиславичем в 6656 (1148) г.⁸ согласно Киевской летописи, целовали крест не лично киевскому князю, а его представителям, в том числе игумену Киево-Печерского монастыря Феодосию II⁹. Схожим образом послы принимали крестоцелования в соглашениях Всеволода Юрьевича и Ольговичей:

³ Василь, посланный к Васильку Ростиславичу, отметил Д. С. Лихачев, являлся активным участником переговоров: «И Давыд, и Василько призывают Василия, усаживают его как равного...» [Лихачев, с. 43].

⁴ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 46–48 и далее. Дипломатическая специфика этих договоров в сравнительной перспективе рассмотрена Е. А. Мельниковой [Мельникова, с. 143–156 и далее].

⁵ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 814. Д. Домбровский считает, что встреча происходила в один из летних месяцев в интервале 1247–1249 гг., с большей вероятностью – летом 1247 г., на что также указывал Н. Мика [Dąbrowski, s. 288 (с историографией вопроса)]. Согласно изысканиям А. В. Мартынюка, дело происходило в начале лета 1252 г. [Мартынюк, с. 149–159].

⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 321.

⁷ Из ранних примеров осуществления представительских функций: договор князя Олега с византийскими императорами Львом и Александром был подтвержден в Константинополе его людьми, а не самим князем [Мельникова, с. 148].

⁸ Датировка событий – по работе Н. Г. Бережкова [Бережков].

⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 365–366.

«Великий же князь Всеволодъ посла мужа своего Михаила Борисовича и води Ольговичи ко кръсту, а Ольговичи послаша мужи свои и водиша великого князя Всеволода ко кръсту»¹⁰. В последнем случае односторонний характер каждого крестоцелования компенсировался парностью актов отправления посольств, а послы впоследствии могли подтвердить сказанное контрагентами как свидетели.

Именно в роли такого свидетеля в 6660 (1152) году (согласно Киевской летописи) выступил Петр Бориславич, которого Изяслав Мстиславич снарядил в посольство к Владимиру Володаревичу, так как этот боярин ранее принимал крестоцелование у галицкого князя: «Изяславъ посла к Володимиру Галичкому Петра Бориславича съ кръстьными грамотами, зане тыи же бяшетъ и в Перемышля с королевы мужи водиль къ кръсту»¹¹. При встрече он не только вернул грамоты, что символически разрывало крестоцелование, но и укорил Владимира Володаревича в невыполнении соглашения: «И рече ему Петръ: “Княже, кръсть еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловаль...”»¹². Петр заметил, что князь должен был слышать легенду об истории этого креста из уст одного из венгерских послов миссии, принимавшей крестоцелование: «И рече ему Петръ: “А у королева еси мужа слышалъ ли о томъ чьстьномъ кръсть?”»¹³, то есть посол сам выдвигал необходимую в споре аргументацию. Кроме того, очевидно, что взаимодействие послов между собой в рамках осуществления миссии¹⁴ способствовало формированию устойчивых представлений о текущем состоянии политических дел. Неоднократно делались попытки представить Петра Бориславича еще и в роли самого летописца, что не получило убедительных доказательств¹⁵.

Итак, посол нередко вступал в спор, приводя дополнительные аргументы, в том числе указывая на детали предыдущих событий. Далеко не всегда сами дипломаты были их свидетелями. Например, согласно Повести временных лет, в 1098 году представители Владимира Мономаха, Олега и Давыда Святославичей возразили Святополку Изяславичу, что он не свободен от обвинений в ослеплении тербовальского князя Василька Ростиславича (как настаивал сам Святополк), так как преступление произошло в его городе: «Извѣта о семь не имѣи, яко Давыдъ его слѣпилъ – и не в Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣплень, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣплень»¹⁶. Дополнительные аргументы могли быть оговорены заранее с отправителем или выдвинуты самим послом в ходе диалога. При определенных обстоятельствах дипломаты одной земли могли даже повлиять на выбор князя в другой, как это сделали рязанские послы Дедилец и Борис, посоветовав жителям Суздальской земли после смерти Андрея Юрьевича обратиться к Глебу Ростиславичу за посредничеством и пригласить на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей¹⁷.

Подчас публичность переговоров князя с послом была нежелательна. Например, Василько Ростиславич, принимая Василя, посланного Давыдом Игоревичем, удаляет своего слугу и говорит ему о своих опасениях с глазу на глаз¹⁸. Иногда дипломат и сам говорил публично одно, а князю – другое. Так, например, согласно записи 6789 (1281) г. Галицко-Волынской летописи, человек Владимира Васильковича на приеме у Конрада Черского сначала публично («при всѣхъ его боярѣхъ») сказал о том, что поддержки от его князя Конраду ждать не при-

¹⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 420.

¹¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 461.

¹² Там же. Стб. 462.

¹³ Там же.

¹⁴ Летописец пишет, что посол Изяслава Мстиславича, Петр Бориславич, и люди Гезы II вместе идут к Владимиру Володаревичу для принятия крестоцелования: «Изяславъ посла Петра Борисовича, а король посла свои мужи» (ПСРА. Т. 2. Стб. 452).

¹⁵ Краткая история вопроса и новые наблюдения – в недавней работе А. А. Горского [Горский, с. 7].

¹⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 263.

¹⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 595.

¹⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 266.

дется, но затем, крепко пожав руку князя и тем самым подав ему знак, остался с ним наедине и сказал, что помощь от Владимира на подходе: «Посем же посоль емь князя за руку и сжа ему руку; князь же, уразумѣвъ, выиде с ними вонъ и поча ему повѣдати: “Братъ ти тако молвить: «Наряжаися самъ, и людье наряди»”»¹⁹. Здесь в задачи посла входили и усыпление бдительности окружения князя, и передача нужных сведений союзнику. Однако private сообщения могли содержать и дезинформацию, как, например, в ситуации, описанной в статье 6669 (1161) г. Киевской летописи, где рассказывает о том, как Олега Святославича предупредил об опасности человек Ростислава Мстиславича, хотя этот князь, по словам летописца, не имел злого умысла²⁰. Чтобы у получателя не осталось сомнений в достоверности сообщения, особенно если функцию посла выполнял случайный человек, например отрок Кузьмы Сновидича, пойманного в зажитии²¹, правители могли передавать написанный собственноручно знак, подтверждавший истинность миссии.

К услугам послов князья прибегали порой даже в том случае, если они находились в непосредственной близости, однако взаимные обвинения не позволяли вести прямой диалог. В такой ситуации посланники были и представителями своих правителей, и свидетелями сказанного, и посредниками. Например, во время Витичевского съезда 1100 г. Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Давыд и Олег Святославичи пригласили Давыда Игоревича держать ответ за ослепление Василька Ростиславича. Уже в процессе переговоров участники встали группами в отдалении друг от друга, к Давыду послали послов, перечисленных поименно: «Святополкъ – Путятю, Володимеръ – Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ – Торчина»²². Упомянутые бояре стали своего рода глашатаями коллективного приговора князей, при этом важно, что каждый из союзников имел в этой процедуре своего представителя, совместное выступление которых символизировало единство отправителей. В статье 6677 (1169) г. Киевской летописи говорится о том, как Мстислав Изяславич и обвиненный в измене Владимир Мстиславич приехали для прояснения ситуации в Киево-Печерский монастырь, но остановились в разных кельях: киевский князь – в келье игумена, а Владимир – в келье эконома; князья переговаривались через своих представителей, речи Владимира передавал дьяк Имормыж²³. Эти примеры показывают, что нередко отправка послов требовалась вовсе не для преодоления географического расстояния²⁴.

Летописные свидетельства о том, сколько времени посол проводил в лагере назначения, разнятся. Например, Петр Бориславич уехал сразу же после того, как получил насмешливый ответ Владимира Володаревича²⁵. Обычно переговоры занимали несколько дней или даже недель, но были и миссии, которые, вероятно, длились дольше. В статье 6654 (1146) г. Киевской летописи рассказывается о после Святослава Ольговича Коснятко, который был отправлен к Изяславу и Владимиру Давыдовичам²⁶ на случай, если их намерения изменятся. Действительно, в скором времени Давыдовичи принимают решение перейти на сторону противника Святослава, а Коснятко узнаёт об этом и передает информацию своему князю, предостерегая его от плена. Не получив официального извещения, Коснятко воспользовался своими связями в городе, поэтому его деятельность можно назвать разведывательной. В летописях упоминаются и посольства, специально отправленные для скрытой военной разведки. Например, Из-

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 884.

²⁰ Там же. Стб. 512.

²¹ Там же. Стб. 501.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 535.

²⁴ Там же. Стб. 372.

²⁵ Там же. Стб. 462.

²⁶ Там же. Стб. 328.

Изяслав Мстиславич, снаряжая своего человека к Андрею Юрьевичу с просьбой о посредничестве в примирении с его отцом, велел послу осмотреть городские укрепления Пересопницы: «И посылаше к нему, розирая нарядъ его, како городъ стоять»²⁷.

Посольства различались функционально, в зависимости типа миссии выбирался и посол с соответствующим статусом. Как следствие, один политический актер мог снаряжать сразу несколько посольств с одним посланием к одному контрагенту. Так, например, в статье 6659 (1151) г. Киевской летописи описывается отправка одного сообщения через два посольства подряд: Изяслав Мстиславич передает слова благодарности своему союзнику венгерскому королю Гезе II сначала через венгерских воинов, бывших свидетелями событий, происходивших на Руси, а затем – через своего сына, Мстислава²⁸. Только Мстислав мог представлять своего отца [Лихачев, с. 49], однако венгерские воины могли лучше рассказать у себя на родине на венгерском языке о произошедших на Руси битвах и политических событиях в деталях – они выполняли информативную функцию.

При выборе посла имело значение знание им социального контекста, в рамках которого действовал контрагент. Так, согласно Киевской летописи, отправляя своего младшего брата Владимира Мстиславича с посольством к венгерскому королю Гезе II в 6658 (1150/1151) г., Изяслав Мстиславич подчеркивал, что делает это, потому что Владимир понимает положение дел при королевском дворе: «Ты вѣдаешь всю мысль и думу ихъ»²⁹, то есть уже на этапе выбора человека для посольства принимался во внимание его предшествующий политический опыт.

Посла могли оскорбить, как это случилось с Петром Бориславичем: Владимир Володаревич не дал ему по отбытии «ни повоза, ни корма», и Петр «поѣха на своихъ конихъ»³⁰. Владимир, видя его отъезд, «поругася ему», сказал, надсмехаясь: «Поѣха мужъ рускии, обумавъ вся волости», имея в виду неудачу миссии Петра. В худших ситуациях над послом могли учинить физическую расправу, как это произошло с послом Андрея Юрьевича, мечником Михном, отправившимся к Ростиславичам: Мстислав Ростиславич остриг ему волосы и бороду: «Повелѣ Андрѣева посла, емше, постричи голову передъ собою и бороду» (статья 6682 (1174) г. Киевской летописи)³¹. Исследователи сходятся на том, что посол метафорически представлял своего князя и физические действия по отношению к нему рассматривались как личное покушение на посланного его правителя [Лихачев, с. 45; Юзефович, с. 42–51]. Узнав о том, что совершили Ростиславичи, Андрей Юрьевич, по словам летописца, изменился в лице от гнева: «Бысть образъ лица его попуснѣлъ и възострися на рать»³².

Однако чаще послы оставались неприкосновенными, хотя порой им все же чинили препятствия, например не пропускали по дорогам. Так, в конце XII в. Ольговичи не давали проехать послам Рюрика Ростиславича через свои земли, опасаясь формирования коалиции, направленной против них: «Ярославъ ... не пустьяшетъ пословъ Рюриковыхъ сквозѣ свою волость, заяли бо бяхуть Ольговичи вси пути; и тако воевашася межи собою, вѣдючи все лѣто и до осени»³³. Понятно, что такого рода неожиданности были нередки и от посла требовалось умение вести

²⁷ Там же. Стб. 404.

²⁸ Там же. Стб. 420.

²⁹ Там же. Стб. 408.

³⁰ Там же. Стб. 462. Посольские поездки могли осуществляться на собственных лошадях, но их мог также предоставить князь; очевидно, существовала договоренность об обмене уставших коней на свежих в пункте назначения (ср.: [Meiers, p. 16–26]). Известно, что Петр Бориславич с братом Нестером владели табуном лошадей, однажды они были обвинены в присвоении княжеских коней, что может быть косвенно связано с посольской деятельностью (ПСРА. Т. 2. Стб. 541).

³¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 573.

³² Там же.

³³ Там же. Стб. 696.

себя и в случаях военного обострения³⁴. Чаще период, пока послы выполняли свою миссию, показан в летописи как время затишья и выжидания, когда участники не предпринимали решительных действий. Например, Рюрик Ростиславич и Ярослав Всеволодич договорились не воевать, пока ездят послы Всеволода Юрьевича и Давыда Ростиславича: «Какое не воеватися до ряду, доколь же съѣздыть послы Всеволожи, Давыдови»³⁵. То есть само отправление посольства было политическим действием, способным отсрочить наступление военной фазы конфликта.

Княжеский союз начинался с посольства и часто им же заканчивался. Между иницирующей и завершающей миссиями осуществлялись различные по задачам посольские поездки: одни принимали крестоцелование, другие получали подтверждение готовности контрапартнера действовать, третьи передавали ему актуальную информацию³⁶.

Миссия, иницирующая переговоры, была наиболее опасной, так как никакие соглашения между сторонами еще не действовали. Порой одна из сторон не оставляла попыток примирения, даже когда войска уже готовились к бою, и тогда послу приходилось ехать в лагерь противника в довольно экстремальных условиях. Именно такую поездку совершил сотский Ларион, снаряженный Мстиславом и Владимиром Мстиславичами и новгородцами непосредственно перед Липицкой битвой 1216 г., передав от них Юрию и Ярославу Всеволодичам предложение начать переговоры. Очевидно, военные обстоятельства повлияли и на то, что в качестве посла они выбрали сотского – человека, должность которого подразумевала тесную связь с князем и знакомство с военным делом. До этой миссии многочисленные посольства новгородцев к Ярославу Всеволодичу не были успешны, а многие их участники оказались в плену³⁷. Однако появление уже перед битвой в лагере противника новой фигуры Юрия Всеволодича открыло перед Мстиславом Мстиславичем и новгородцами возможность заново начать процесс примирения, хотя уже началась подготовка к битве: «И узрѣша пълкы стояща, и послаша Лариона сочьскаго къ Гюргю: “Кланяемъ ти ся, нѣту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида...”»³⁸. Если бы Юрий согласился, то он стал бы одним из звеньев переговорного процесса, облегчив союзникам достижение консенсуса с Ярославом. Согласно рассуждениям А. А. Гиппиуса, в тексте Синодального списка Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) послания новгородцев и Мстислава Юрию совмещены с их же предложением Ярославу, причем в последнем можно выделить конкретные условия каждого из союзников: «пусти мужи мои новгородьци и новотържыци» (Мстислав), «что еси зашьль волости нашей новгородьской, Волокъ въспяти, миръ с нами възми...»³⁹ (новгородцы). Ответ, с которым вернулся Ларион, также совмещал две отдельные реплики от Ярослава и Юрия Всеволодичей Мстиславу Мстиславичу и новгородцам: «мира не хотимъ» (от Ярослава и Юрия), «а мужи у мене...»⁴⁰ (от Ярослава) [Гиппиус, с. 191–192]. Несмотря на лаконичность записи княжеских «речей» в НПЛ, летописцу представлялось важным сепарировать фразы, имеющие различных авторов или адресатов, не замаскировывая их под обобщением.

Описание деталей деятельности Лариона иначе сохранилось в летописях новгородско-софийской группы, где после возвращения с ответом от одного только Юрия к Мстиславу и новгородцам можно проследить его вторую поездку – к Ярославу Всеволодичу: «и посласта

³⁴ В подобных условиях послом мог стать военный человек, например, новгородцы отправили воеводу Даньслава Лазутинича с дружиной в ситуации, когда пути были закрыты суздальским князем и его союзниками (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 32 (6675 (1167) г.)).

³⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 690–691.

³⁶ Ср. с выделенными Е. А. Мельниковой этапами европейских переговоров IX–X вв. [Мельникова, с. 158–159].

³⁷ НПЛ. С. 54–55.

³⁸ Там же. С. 56.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

к Ярославу...», которая и содержит приведенный выше ответ Мстиславу и новгородцам⁴¹. При сравнении этих текстов издатели Новгородской первой летописи (и вслед за ними – А. В. Юрасовский [Юрасовский, 1989]) усматривают пропуск в НПЛ, который можно восстановить по Новгородской четвертой летописи⁴², в то время как А. А. Гиппиус считает первоначальным лаконичный текст с составными «речами» Синодального списка НПЛ, затем расширенный поясняющими правками переписчика XV в. в летописях новгородско-софийской группы [Гиппиус, с. 191–192]. Наблюдение исследователя было дополнено А. А. Кузнецовым, который показал, что книжник XV в. поменял также авторов дальнейших «речей» о примирении [Кузнецов, с. 118–119]. Разделение поездок Лариона для переговоров с каждым из Всеволодичей и упоминание о его возвращении к новгородцам, Мстиславу и Владимиру Мстиславичам для дальнейших указаний после каждой миссии в этой группе летописей показывает устойчивое стремление книжника (будь то автор XIII в., чей текст не сохранился [Лурье, с. 113], или редактор XV в., пояснивший запутанный с его точки зрения текст [Гиппиус, с. 191–192; Кузнецов, с. 118–119]), разделить выполнение отдельных задач даже в условиях очевидной опасности дипломатических поездок сотского.

В статьях 6656 (1148) – 6657 (1149) гг. Киевской летописи рассказывается о недолгом соглашении Святослава Ольговича и Изяслава Мстиславича, при описании которого со всей отчетливостью показаны разные типы посольств. Мирная инициатива исходила от самого Святослава, а также Изяслава и Владимира Давыдовичей и Святослава Всеволодича, которые «послаша слы свои къ Изяславу Мьстиславичю, ищюче мира»⁴³. Эта миссия, как и поездка Лариона, была отправлена с целью начать процесс примирения в условиях военного противостояния, однако обстоятельства были более благоприятными, и, в отличие от рассмотренного выше сюжета, каждый из перечисленных князей командировал своего посла. Согласившись на перемирие, Изяслав Мстиславич посылает своих представителей, в том числе игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия II и белгородского епископа Феодора⁴⁴, принять крестоцелование. Очевидно, что, хотя условия соглашения декларировались как единые для всех, отношения между участниками на деле не были одинаковы: Давыдовичи ранее были союзниками Изяслава Мстиславича, в то время как Святослав Ольгович – противником, мотивированным личной мезтью.

Это различие со всей ясностью проявляется в следующем посольстве от Изяслава Мстиславича и Давыдовичей к Святославу Ольговичу, задачей которого было получить подтверждение участия последнего в новом витке противостояния с Юрием Владимировичем. Первым о выступлении Юрия против коалиции Изяслава Мстиславича узнает Владимир Давыдович в Чернигове, так как тот вступил в земли черниговских вятичей. Он посылает своего человека в Киев сообщить об этом Изяславу, напоминая ему об условиях крестного целования: «а являю ти – пристроиваися»⁴⁵. Изяслав немедленно отвечает Владимиру, прося его также послать к Святославу Ольговичу в Новгород-Северский: «Изяславъ ... к Володимиру посла мужь свои, река: "...нынѣ же, брате, се мужь мои, а ты пристави свои мужь, послѣвъ же ко Святославу Олговичю»⁴⁶. Учитывая, что были отправлены и люди Изяслава Давыдовича, такая формулировка выглядит скорее символической – на деле в посольстве участвовали трое правителей, однако выделена роль именно Владимира Давыдовича. Складывается впечатление, что союзники

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 56. Примеч. 1; ПСРА. СПб., 2002. Т. 42. С. 108; ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. Стб. 188.

⁴³ ПСРА. Т. 2. Стб. 364.

⁴⁴ Там же. Стб. 366.

⁴⁵ Там же. Стб. 374.

⁴⁶ Там же.

больше пекутся не о предстоящих военных действиях, а об успехе дипломатической миссии к Святославу Ольговичу. Так, например, говорят Давыдовичи послу Изяслава Мстиславича: «... но оже бы управиль братъ нашъ Святославъ»⁴⁷.

Дальнейшее повествование целиком выстраивается вокруг посольской поездки в Новгород-Северский: «А се мужи... приѣдоша къ Святославу...». Представ перед Святославом, первым начинает свою речь посол Изяслава Мстиславича: «... и рече ему посоль Изяславъ: “Тако ти молвить Изяславъ братъ твои: «Кръсть есмы, брате, на томъ целовали, оже быти вамъ со мною, а се, брате, стрый мои грядеть на мя, а, брате, dospъваи, какоже Володимиръ dospъваетъ (и) Изяславъ, братъ его»”»⁴⁸. Послы Давыдовичей, приехавшие вместе с человеком Изяслава Мстиславича, повторяют сказанное: «Володимири же мужи (и) Изяслави рекоша ему: “Братъ ти молвить Володимиръ (и) Изяславъ: «Мы есме кръсть целовали, яко всимъ намъ быти за одинъ, а вѣ, брате, dospъваевѣ, а ты, брате, тако же dospъваи»”»⁴⁹. Слова послов Изяслава и Владимира Давыдовичей не содержали новой информации, однако их присутствие было важно с точки зрения представительства пославших их князей: Святослав Ольгович сталкивается с коллективной декларацией готовности всех участников договора, из их слов следует, что все согласны выступить и только он один медлит.

Формулировки приведенных выше княжеских диалогов подразумевали совместные действия двух сторон, но князья и послы применяли их в ситуациях, когда в переговорах было задействовано три и более действующих лиц, связанных одним соглашением. Например: «Нынѣ же, брате, се мужъ мои, а ты пристави свои мужъ» (хотя формула двухчастная, подразумевается участие третьего лица, к которому послы отправляются), «брате, dospъваи, какоже Володимиръ dospъваетъ» (подразумевается участие говорящего, а также добавляется «... (и) Изяславъ братъ его»), «а вѣ, брате, dospъваевѣ, а ты, брате, тако же dospъваи» (форма двойственного числа позволяет объединить двух из трех участников). При применении стереотипных языковых формул в многоступенчатых переговорах участники были вынуждены дробить слова об обязательствах, наложенных одним соглашением, на несколько повторяющихся фраз для достижения точности при взаимодействии в политической ситуации. Интересно, что призыв действовать апеллирует непосредственно к фигуре Владимира Давыдовича, а не лидера коалиции Изяслава: Святославу предлагается действовать как верный своему крестоцелованию Владимир, а не принявший его клятвенное обещание Изяслав Мстиславич: «dospъваи, какоже Володимиръ dospъваетъ». Тем самым подчеркивается именно верность клятве, а не равное участие в союзе. Летописец не считает возможным опустить участие в переговорах Изяслава Давыдовича, хотя на данном этапе он не проводит самостоятельной политики, поскольку книжнику было важно подчеркнуть совместный характер обращения к Святославу.

Таким образом, из рядового участника соглашения Владимир Давыдович становится ключевой фигурой переговоров, его функция – посредническая. Формулировки, схожие с той, что была в послании Изяслава Владимиру: «нынѣ же, брате, се мужъ мои, а ты пристави свои мужъ», встречаются в ряде диалогов, предшествовавших другим посольствам, инициированным третьими лицами – медиаторами. Так, согласно Лаврентьевской летописи, Роман Мстиславич призывает Рюрика Ростиславича в 1203 г. просить согласия на киевское княжение у Всеволода Юрьевича: «Пошли ты мужа своего ко свату своему, а я слю своего мужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду, и ты ся моли, и я ся молю, абы ти даль Киевъ опять»⁵⁰. После смерти Андрея Юрьевича владимирцы, ростовцы, суздальцы и переяславцы приглашают

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Здесь и далее вставки союзов, выделенные курсивом, для прояснения смысла текста мои. – М. Л.

⁴⁹ Там же. Стб. 375.

⁵⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 419.

на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей, но не посылают к ним напрямую, а сначала обращаются к Глебу Ростиславичу с просьбой, чтобы он посодействовал осуществлению их желания: «Послаша къ Глѣбови: “Тобѣ своя шюрина, а наша князя, да се утвердивъшеся межи собою, послахомъ к тобѣ послы своя, а ты приставиши к нимъ послы своя – ать идуць по князи нашемъ”» (статья 6683 (1175) г. Киевской летописи)⁵¹. В перечисленных ситуациях формулировка, призывающая отправить послов двух сторон, на деле говорит о ведущей роли третьей стороны – медиатора: он мог предложить переговоры сам, как это сделал Роман Мстиславич; он также мог быть приглашен, как Глеб Ростиславич, или мог быть участником предшествующего соглашения, как Владимир Давыдович, которого просит взять на себя эту задачу Изяслав Мстиславич.

Миссия к Святославу Ольговичу, описанная в статье 6657 (1149) г. Киевской летописи, не была успешной. Святослав не дал ответа послам, задержал их, а сам послал к Юрию Владимировичу с вопросом о его намерениях, в то время как послы Изяслава Мстиславича и Давыдовичей находились в его лагере фактически на положении пленных⁵². Узнав от собственных послов об активных военных действиях Юрия, Святослав вновь обращается к ожидающим – на этот раз он произносит свою речь, обращаясь только к послу Изяслава Мстиславича, но в присутствии остальных, и выдвигает новое условие: «И възва к собѣ послы Изяславли и Володимира Давыдовича, и брата его Изяслава, и рече Святославъ Ольговичъ къ Изяславу Мстислаличю: “А вороти ми товара брата моего со што любо⁵³, а я с тобою буду”»⁵⁴. Теперь послы Изяслава и Владимира Давыдовичей никак не участвуют в беседе, выступая лишь в качестве свидетелей – раз посольство потерпело неудачу, то и посреднические функции, возложенные на посла Владимира, более не осуществлялись. Автор летописи, рассказывая о дальнейших действиях, показывает ситуацию исключительно с точки зрения посла Изяслава Мстиславича, который словно бы в одиночестве держит путь обратно к князьям Изяславу и Владимиру Давыдовичам, и лишь только в Чернигове сам князь Владимир Давыдович рассказывает ему подробности о состоявшемся в период их ареста у Святослава Ольговича посольстве Святослава к Юрию Владимировичу: «Посоль же Изяславъ приѣхъ къ Изяславу и брату его Володимиру, и ту повѣда Володимиръ послу Изяславу: “Святославъ ти послааься къ Гюргеви...”»⁵⁵. Становится понятно, что Святослав Ольгович имел отдельную беседу с послами Изяслава и Владимира Давыдовичей и рассказал им о результатах переговоров с Юрием во всех деталях, но ничего не сказал об этом послу Изяслава. Однако очевидно, что посол Изяслава ехал обратно с послами Давыдовичей, от которых эти князья и узнали о произошедшем в лагере Святослава, то есть вне зависимости от того, обменялись ли они сведениями до того, официально оповестить посла должен был правитель, а не его дипломат. По возвращении посол Изяслава Мстиславича передает своему князю отдельно – сказанное Святославом, отдельно – информацию от Владимира Давыдовича: «Изяславъ же посоль приѣхъ у Киевѣ, повѣда ему Святославу рѣчь и что ему Володимиръ сказаь»⁵⁶, то есть он разделяет в своем ответе отчеты о встречах с двумя князьями: Святославом и Владимиром.

⁵¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 595. А также – обращение Конрада Черского к Владимиру Васильковичу в Галицко-Волынской летописи: «... абы ты, господинъ мой, послааь свои посоль с моимъ посломъ ко брату своему Мстиславу» (Там же. Стб. 906).

⁵² «Святославъ же, умолча, ничтоже имъ отвѣча, толико имъ то рече: “Поидите в товары своя, а опять вы въззову”. И держа послы недѣлю, а сторожи постави от товаръ ихъ – да бы к нимъ никтоже не пришелъ» (Там же. Стб. 375).

⁵³ Вероятно, дополнительно какую-то часть награбленного.

⁵⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 375.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Стб. 376.

Попытка Святослава Ольговича и Юрия Владимировича привлечь Владимира и Изяслава Давыдовичей на свою сторону также показана как отдельная политическая миссия, хотя, как мы видели, послы Давыдовичей только что покинули лагерь Святослава. Вместе с Юрием он сразу же присылает к ним новое посольство с предложением присоединиться к коалиции: «И посла Гюрги и Святославъ послы своя къ Давыдовичема, рекуча: “Брата, поедита с нама на Изяслава...”»⁵⁷, на что те отвечают отказом: «А душею не можевъ играти»⁵⁸. Эти детали летописного изложения посольств 1149 г. показывают максимальное дробление отдельных действий. Для каждого призыва к выступлению и даже объявления о положении дел требовалась отдельная встреча посла и правителя, даже если сами послы вместе совершают путешествие или находятся в одном лагере. Возможно, столь подробное описание дипломатических действий, в том числе путешествий и отчетов, отражает стремление летописца сформировать своего рода трактат об основах посольской деятельности.

Сам Изяслав Мстиславич в условиях уже практически открытой конфронтации снаряжает еще одного посла – на этот раз напрямую к Святославу Ольговичу, укоряя его в невыполнении соглашения. «... А ты еси уже кръстьное целование переступилъ... а нынѣ абы со мною Богъ былъ и кръстьная сила»⁵⁹, – говорит посол, констатируя разрыв отношений и начало новой фазы конфликта. Первая фраза в приведенном отрывке находит прямую аналогию в словах Петра Бориславича Владимиру Володаревичу, также расторгавших заключенное ранее соглашение: «Ти уже еси съступилъ кръстьного цѣлования»⁶⁰. Хотя в обоих ситуациях дипломаты все еще обсуждали конкретные детали взаимных претензий: посол Изяслава Мстиславича в Новгород-Северский отвечал на последнее предложение Святослава, а Петр Бориславич потребовал передать Изяславу обещанные ранее города, эти финальные фразы знаменовали завершение действия соглашений.

Таким образом, недолгий союз Изяслава Мстиславича со Святославом Ольговичем был реализован при помощи четырех посольств: иницилирующего (а также ответа на него со стороны Изяслава), представительского (принявшего крестоцелование от имени Изяслава), подтверждающего (с участием медиатора) и финального – констатирующего разрыв отношений. Именно третье из посольств (подтверждающее) было наиболее сложным: его задачей было заставить Святослава следовать слову его крестоцелования в новых условиях – при поддержке Юрия Владимировича.

* * *

Итак, несмотря на то что посол не был простым носителем информации и осуществлял самостоятельные политические действия, как это показали Д. С. Лихачев и Я. Р. Дашкевич, его связь с князем в значительной мере проявлялась в дискретности задач: выполнив одно поручение, он возвращается к правителю и вновь отправляется в миссию. Деление дипломатической деятельности на отдельные поездки, задачи, отчеты позволяет князю контролировать положение дел и своевременно реагировать на появление новых факторов. Характер посольских миссий зависит от их функциональной нагрузки: миссия к военному противнику, иницилирующая переговоры, была наиболее опасна и в нее могли отправить одного посла, например сотского Лариона; миссии послов, осуществлявших представительские функции в условиях действующего крестоцелования, могли быть многолюдны и проводились в несколько этапов, отражавших реальные связи между политическими акторами, как посольство Изяслава Мстиславича

⁵⁷ Там же. Стб. 377.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Стб. 376.

⁶⁰ Там же. Стб. 462.

к Святославу Ольговичу статьи 1149 г. Киевской летописи, предварительно скоординированное Изяславом Мстиславичем и Владимиром Давыдовичем. Лидирующую роль в переговорах часто играли послы медиаторов, которые имели связи с обеими сторонами конфликта и способствовали заключению соглашения. Эта практика отразилась в использовании князьями устойчивых языковых формул, таких как: «пошли ты мужа ... а я слю своего мужа ...».

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 378 с.
- Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. Т. 11. С. 183–235.
- Горский А. А. Янь Вышатич «против» Петра Бориславича: упоминали ли себя авторы древнерусских литературных произведений в третьем лице? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 7–15. DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.001
- Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 100–111.
- Кузнецов А. А. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события // НИС. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 115–138.
- Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Из. М., 1946. Т. 18. С. 42–55.
- Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРА. Л., 1979. Т. 34. С. 96–115.
- Мартынюк А. В. «Немци же дивящиеся оружию татарскому»: с кем и когда встречался Даниил Романович в Пожони? // Colloquia Russica. Материалы научной конференции «Colloquia Russica. Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках» (Спишска капитула, 16–18 октября 2014 г.). Краков; Братислава, 2015. Вып. 5. С. 149–160.
- Мельникова Е. А. Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 111–182.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. 358 с.
- Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. 184 с.
- Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVIII в. СПб., 2011. 344 с.
- Юрасовский А. В. Грамоты XI – середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141–150.
- Юрасовский А. В. О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 58–64.
- Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2013. 538 s.
- Guimon T. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 452 p.
- Meiers F. Equestrian Cities: The Use of Riding Horses and Characteristics of Horse Husbandry in Late Medieval Urban Agglomerations // The Horse in Premodern European Culture. Kalamazoo, 2020. P. 13–26.
- Zupka D. Ritual and Symbolic Communication in Medieval Hungary under the Árpád Dynasty (1000–1301). Leiden; Boston, 2016. 224 p.

References

- Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian Chronicles]. Moscow, 1963. 378 p.
- Dashkevich, Ya. R. Spornye voprosy diplomaticheskoi praktiki Drevnei Rusi [Controversial Issues of the Diplomatic Practice of Old Rus]. In *Istoriya SSSR*. 1991. No. 4. Pp. 100–111.
- Dąbrowski, D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2013. 538 s.
- Franchuk, V. Yu. Kievskaya letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii [Kievan Chronicle. Composition and Sources from the Linguistic Point of View]. Kiev, 1986. 184 p.
- Gippius, A. A. K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestyanykh gramot [On Pragmatics and the Communicative Organization of the Birch Bark Letters]. In *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg.* Moscow, 2004. Vol. 11. Pp. 183–235.

- Gorskii, A. A. Yan' Vyshatich "protiv" Petra Borislavicha: upominali li sebya avtory drevnerusskikh literaturnykh proizvedenii v tret'em litse? [Yan Vyshatich "against" Pyotr Borislavich: Did the Authors of Old Russian Literary Works Mention Themselves in the Third Person?]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 1 (87). Pp. 7–15. DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.001
- Guimon, T. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 452 p.
- Kuznetsov, A. A. Bitva na Lipitse 1216 g.: istochnikovedenie i istoriya sobytiya [The Battle of Lipitsa in 1216: The Source Study and the History of Event]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2016. Issue 16 (26). Pp. 115–138.
- Likhachev, D. S. Russkii posol'skii obychai XI–XIII vv. [Russian Embassy Custom of the 11th – 13th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. M., 1946. Vol. 18. Pp. 42–55.
- Lur'e, Ya. S. Povest' o bitve na Lipitse 1216 g. v letopisanii XIV–XVI vv. [The Story of the Battle of Lipitsa in 1216 in the Chronicles of the 14th – 16th Centuries]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1979. Vol. 34. Pp. 96–115.
- Martynyuk, A. V. "Nemtsi zhe divyashchesya oruzhiyu tatarskomu": s kem i kogda vstrechalsya Daniil Romanovich v Pozhoni? ["The Germans Marveled at the Tatar Weapons": With Whom and When did Daniil Romanovich Meet in Pozhon?]. In *Colloquia Russica. Materialy nauchnoi konferentsii "Colloquia Russica. Rus' i Tsentral'naya Evropa v XI–XIV vekakh" (Spishska kapitula, 16–18 oktyabrya 2014 g.)*. Krakov; Bratislava, 2015. Issue 5. Pp. 149–160.
- Meiers, F. Equestrian Cities: The Use of Riding Horses and Characteristics of Horse Husbandry in Late Medieval Urban Agglomerations. In *The Horse in Premodern European Culture*. Kalamazoo, 2020. P. 13–26.
- Mel'nikova, E. A. Zalozhniki i klyatvy: Protsedura zaklyucheniya dogovorov s normannami [Hostages and Oaths: The Procedure for Concluding Treaties with the Normans]. In *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury*. Moscow, 2012. Pp. 111–182.
- Rybakov, B. A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya, byliny, letopisi [Old Rus. Tales, Epics, Chronicles]. Moscow, 1963. 358 p.
- Yurasovskii, A. V. Gramoty XI – serediny XIV veka v sostave russkikh letopisei [Letters of the 11th – mid-14th Centuries in Russian Chronicles]. In *Istoriya SSSR*. 1982. No. 4. Pp. 141–150.
- Yurasovskii, A. V. O sootnoshenii prostrannoii i kratkoi redaktsii "Povesti o Lipitskoi bitve" v novgorodskom letopisanii [On the Correlation of the Long and the Short Versions of "The Tale of the Battle of Lipitsa" in the Novgorod Chronicles]. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR*. 1987. Moscow, 1989. Pp. 58–64.
- Yuzefovich, L. A. Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVIII v. [The Way of the Ambassador. Russian Embassy Custom. Everyday Life. Etiquette. Ceremonial. The End of the 15th – the First Half of the 18th Century]. Saint Petersburg, 2011. 344 p.
- Zupka, D. Ritual and Symbolic Communication in Medieval Hungary under the Árpád Dynasty (1000–1301). Leiden; Boston, 2016. 224 p.

Maria L. Lavrenchenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

EMBASSY PRACTICES IN MEDIEVAL RUS
(ACCORDING TO THE CHRONICLES OF THE 12th – 13th CENTURIES)

The article focuses on the diplomatic practices as they are reflected in the chronicles of medieval Rus. The political vicissitudes of that time resulted in a rising number of persons involved in negotiations and in an increasingly complicated system of princely interaction. These processes stimulated the development and differentiation of embassy missions. These can be divided into functionally different groups: initiating missions, like Larion's trip before the Battle of Lipitsa in 1216; confirming embassies, like the journey of the envoys of Izyaslav Mstislavich, Vladimir and Izyaslav Davidoviches to Svyatoslav Olgovich in 1149; missions that officially broke off diplomatic relations. This paper also pays attention to the language formulas of the princes' dialogues concerning embassies, such as "I am sending my envoy... and you send your envoy...", and to other peculiarities of diplomatic missions described in the chronicles.

Keywords: embassies, embassy missions, diplomatic practices, chronicles, medieval Rus